

Искусствоведение и культурология

УДК 711:9 (С 17)
ББК 85.118:63.3 (2Р36)

Е. В. Коньшева

СОВЕТСКОЕ ГРАДОСТРОИТЕЛЬНОЕ ПРОЕКТИРОВАНИЕ СЕРЕДИНЫ 1930-х гг.: НА ПЕРЕЛОМЕ ЭПОХ

E. V. Konysheva

SOVIET URBAN DESIGN OF THE MIDDLE OF 1930-S.: TURNING POINT OF AGES

Статья посвящена изучению трансформации градостроительных подходов в середине 1930-х гг. Автор анализирует генеральные планы и иную проектную документацию уральских городов первой половины — середины 1930-х гг. и прослеживает изменение планировочных принципов.

Ключевые слова: градостроительство, планировка, генеральный план, трансформация.

Article is devoted to the study of urban transformation approaches in the mid-1930s. The author analyzes the general plans and other project documentation of the Urals city of the first half — the mid-1930s and traces the change in planning guidelines.

Keywords: urban development, planning, master plan, a transformation.

С началом второй пятилетки в советском градостроительстве начинается процесс смены подходов к приоритетам городского планирования, который наберет свои обороты к середине 1930-х гг. Переход к новым принципам осуществлялся не одномоментно, и развивался параллельно в нескольких уровнях — идеологических установках, нормативной базе, проектной деятельности. Новые подходы уже декларировались как необходимое идеологическое «заклинание», но конкретные формы планировочного и архитектурного воплощения идеи еще не были разработаны и утверждены. Тем интереснее проследить этот процесс постепенной трансформации, отразившийся в типологически «многослойных» текстах нормативных и проектных документов, противоречивом характере критических замечаний экспертных комиссий.

К началу второй пятилетки постепенно формируется новый подход к городу. Архитекторам-проектировщикам еще на июньском Пленуме ЦК ВКП (б) 1931 г. устами Л. М. Кагановича была внятно озвучена новая концепция: «...вопрос о городе и городском хозяйстве вышел уже сейчас за рамки так называемого благоустройства, стал вопросом большого политического и экономического значения»¹. Определив принципы структурирования и организации городского и социального пространства, власть озаботилась и репрезентацией.

Соответственно, трансформируется понятие «социалистический город». Социалистический город конца 1920-х гг. — это, прежде всего, промышленно-селитебный комплекс. Приоритетная роль производства в жизни города и городского сообщества

по-прежнему продолжает оставаться таковой. В Постановлении ЦИК и СНК СССР «О составлении и утверждении проектов планировки и социалистической реконструкции городов и других населенных мест СССР» (1933) «дальнейшее развитие и рост населенного места» определяется «общими перспективами развития народного хозяйства СССР», а градостроительная деятельность призвана сначала обеспечивать «наиболее благоприятные условия деятельности и развития новых и расширения существующих промышленных и транспортных предприятий», и лишь в следующую очередь «обеспечивать наиболее благоприятные условия труда и жизни населения».

Однако, принцип организации пространства промышленного города, сформировавшийся в годы первой пятилетки, оказывается уже несвоевременным. Сложившаяся система ведомственного проектирования и территориальная привязка поселений к «собственному» градообразующему предприятию вызвала образование разномасштабных городов-конгломератов. И проблема эта была идентичной, как для «старых» городов, так и для вновь проектируемых. Связи между поселениями при предприятиях, и с историческим городским ядром изначально не прорабатывались, формируя мозаичную картину из старого города и промышленно-селитебных образований, где исторический город рассматривался как периферийный с точки зрения градостроительных интересов, вплоть до предложений «выморачивания». Таким образом закладывалась рассредоточенная планировочная структура полицентрического городского пространства, характерная, например,

для Перми, Екатеринбурга, Челябинска, Нижнего Тагила, Нового Орска.

Так, за годы первой и второй пятилеток на северной и восточной периферии Челябинска было заложено 30 промышленных предприятий с сопутствующими рабочими поселками, наиболее крупные из которых — тракторный завод, электрометаллургический комбинат, машиностроительный завод, ГРЭС и др. Территория города увеличилась к 1932 г. с 4,7 тыс. до 15 тыс. га, а к 1940 г. — до 20 тыс. га². В середине 1930-х годов расселение в Пермском промышленном районе приобрело четкую ленточную структуру. Город вытянулся вдоль Камы на 60 км, вобрав в себя ряд поселков и заводов, к 1939 г. обрета 300-тысячное население³. Не исключением являются и поселения относительно небольших размеров. Например, на базе поселка Каменский завод в Уральской области в начале 1930-х гг. был заложен Каменск-Синарский промышленный узел, включавший трубный и алюминиевый заводы с собственными селитебными комплексами. Кроме того были заложены и многочисленные рабочие поселки, например, при железнодорожном узле (Октябрьский), металлургическом (Чкаловский) и магниевом (Ленинский) заводах. Все это сформировало рассредоточенную хаотичную планировочную структуру, состоящую из исторически моноцентричного Каменского города-завода, где к 1950-м гг. на протяжении тридцатикилометровой зоны сложилось около 20 поселений, и территорией занятыми фрагментами лесов, садовыми участками, бывшими горными разработками и т. п.⁴

Планировочную проблему многочастного рассредоточенного образования пытались решить за счет проектирования «больших» городских систем, как например «Большой Свердловск», «Большой Челябинск», «Большая Пермь». Так, Большой Свердловск представлялся в виде «города-комбината, состоящего из ряда отдельных комплексов, органически связанных между собой и с основным центром — существующим городом». В городе-гиганте была предусмотрена организация 12 комплексов, а увеличение населения к концу расчетного периода предполагалось до 1 млн. 200 тыс. человек⁵. Но с неизбежностью возникали и новые вопросы — транспортной и пешеходной доступности, расположения центра (центров), структурное членение города, организация инфраструктуры и т. д.

К началу второй пятилетки в генпланах подобных крупных и рассредоточенных городских образований появляется новая направленность — на единение городской структуры. В основу нового подхода было положено представление о городе как завершенной целостности, где «...все элементы... подчиняются единому плану и единой архитектурной идее»⁶. Эта тенденция с каждым годом становилась все более отчетливой, все активнее подчеркивалась в проектных документах. Прежде всего, это имело функциональную (производственную) подоплеку: предприятия могли объединяться в единый комплекс, формируя непрерывную промышленную зону. Подобного рода путь предполагала схема планировки Нижнего Тагила (1933; Стандартгорпроект, арх. А. Мостаков и др.). Заголовок одного из под-

пунктов в изложении принципов генплана в журнале «Планировка и строительство городов» звучал весьма симптоматично: «Система городов или единый город?». Архитекторами предлагалось два варианта перспективного развития Нижнего Тагила. Первый: формирование рассредоточенной структуры из трех населенных пунктов (один — на территории старого города и свободных участках, предназначенных для новых предприятий, второй — на участке Вагонстроя в 8 км от старого города, третий — у рудника им. III Интернационала). Второй: формирование единого ленточного города, связывающего все эти элементы, но также с децентрализацией отдельных районов. Однозначно проектировщиками был избран вариант именно единого города: «Может ли при близком расстоянии друг к другу тагильских предприятий, да еще связанных единым технологическим процессом вообще идти речь об отдельных городах? Если в некоторых случаях такая возможность не исключается, то в Н. Тагиле имеются ряд моментов, исключающих это обстоятельство»⁷. В результате, «реконструкция существующего города, строительство на Вагонстрое и смыкание их в будущем в один город является естественным выводом из всего хода рассуждений»⁸.

На тот же вопрос «Как решить селитбу? Системой городов или одним городом?»⁹ создатели генплана Челябинска 1934—1936 гг. (Ленгипрогор, арх. Н. Эйсмонт, С. Готлиб, Д. Барагин и др., инж. Г. Шелейховский)¹⁰ исходя из реалий, и после тщательного предпроектного исследования, отвечали по иному. Они демонстрировали сравнением вариантов утопичность идеи централизованной структуры, превращающей Челябинск в город-гигант. Предполагалось, фактически, создание агломерации из трех крупных комплексов — Челябинска, Копейска (угольный бассейн) и Бакала (на градообразующей основе металлургического комбината). Понимались они как единый планировочный организм с общими перспективами развития. По отношению к собственно Челябинску идея «единения» была выражена предельно отчетливо, хотя градостроительная ситуация была чрезвычайно сложной. Сложившееся размещение многочисленных промышленных предприятий диктовало основное направление развития города на север, восток и юго-восток, от центра к окраинным промышленно-селитебным зонам. Однако возможности роста города в заданных направлениях ограничивались отсутствием достаточного количества пригодных для селитебного развития территорий. Открытыми для роста города оставались западное, северо-западное и юго-западное направления, где промышленного строительства не предвиделось, а значит, усложнялась связь между новыми жилыми районами и местами приложения труда. Именно поэтому полная централизация города была признана невозможной, но, тем не менее, планировка Челябинска предлагалась «в форме компактной группы тесно связанных между собой селитебных пятен, объединенных в одно композиционное целое»¹¹. Явное противоречие между реальной градостроительной ситуацией и вынужденным стремлением архитекторов к «концентрации селитебных районов в компактный архитектурный организм, подчиненный

единой планировке»¹², свидетельствует и об иных причинах такого подхода, лежащих вне собственно градостроительной сферы.

Указание на причину проскальзывает в тексте пояснения к генплану все того же Нижнего Тагила, но уже в варианте 1935 г. (арх. А. Мостаков, Н. Смирнов, Б. Данчич и др.). По-прежнему, определяющую роль для вынужденного решения Нижнего Тагила как единого города, играют функциональные причины: «Роза ветров, рельеф и растяженность промышленности привели к необходимости использования наилучшим образом всей территории, охватываемой промышленным пятном на западе, и полосы, заключенной между реками Малая и Большая Кушва на востоке. Попытка проектировщиков использовать иные варианты решения, менее натянутые и более естественные по пятнам и архитектурной форме, всякий раз кончались неудачей. Один из наиболее вероятных приемов — разрыв полосы и создание в восточной части при Вагонстрое отдельного селитебного района как спутника основного организующего пятна на западе оказалось невозможным... Нелогичным это являлось потому, что такое движение противоречит западно-восточной ориентации промышленности и, главное, всей системе инженерного оборудования, при которой зависимость восточного пятна от западного чрезвычайно сильно выражена». Но здесь же проектировщики проговаривают и иной важный, с их точки зрения, резон такого подхода: «Кроме того, не меньшим фактором, подтверждающим эти предположения, служит почти установившееся мнение о целесообразности создания единых городов, а не раздробленных»¹³. Что за фразой «есть мнение» обычно стояла точка зрения власти, а не дискуссионно выработанное решение, понятно каждому, кто знаком с советской реальностью.

Тенденция к единению и централизации городской структуры была обусловлена, прежде всего, «государственным заказом», предполагавшим формирование структурированного и, соответственно, выстроенного на основе соподчинения элементов, городского пространства. «Горизонтальные» взаимоотношения стали просто невозможны. Автономные соцгорода постепенно становились элементами единой планировочной системы большого города и превращались лишь в отдельные промышленные районы, причем, как правило, периферийные в новой городской структуре.

Стремясь полностью поставить под контроль процесс планировки и застройки города, власть централизовала и проектную деятельность на протяжении всей первой половины 1930-х гг. Градостроительное проектирование постепенно стягивалось в ведение НККХ РСФСР и сосредотачивалось в его проектном институте «Гипрогор» с региональными отделениями (как, например, Уралгипрогор). Градостроительная деятельность в городах сосредотачивалась в руках городской власти. Мощный рычаг для управления и контроля городские отделы коммунального хозяйства получили в 1936 г., когда Постановлением СНК РСФСР от 26 июля 1935 г. была введена должность городского архитектора. Именно на главного архитектора (читай

городскую власть) теперь возлагалось «руководство распределением территории... и отвод участков для всех без исключения видов строительства... разработка... архитектурно-планировочных заданий по застройке и реконструкции всех частей города и отдельных планировочных комплексов... дача предварительных заключений в части планировки и архитектурного оформления по всем без исключения проектам строительства отдельных зданий и сооружений... независимо от того, каким учреждениям (центральному или местным) принадлежит, в силу действующего законодательства, утверждение данных проектов...»¹⁴. Но, при этом промпредприятия по-прежнему де-факто оставались полновластными хозяевами своего «соцпоселения», «завязанного» на завод (комбинат) всем жизненным циклом; они же финансировали и, соответственно, определяли его застройку. Де-юре еще сохранялось и ведомственное проектирование промышленно-селитебных комплексов. Подобная противоречивая ситуация завязала один из «конфликтных узлов» советского градостроения 1930—1950-х гг.

«Социалистический город» в проектах конца 1920-х гг. решался как «функциональный город». Определяющая задача для планировщика — установление оптимальной взаимосвязи между зонами размещения промышленности, коммунально-складского хозяйства, внешних транспортных узлов, селитьбы, пригородного сельского хозяйства, исходя из экономически обоснованных схем движения людей и грузопотоков. В проектах отдельными и развернутыми фрагментами рассматривались: организация жилой зоны, классификация уличной сети и виды транспорта, система социально-культурного обслуживания, принципы размещения административных и общественных сооружений, техническое и санитарно-гигиеническое оборудование города и т. п.

Естественно, что подобный научный подход оставался основой и градостроительного проектирования и последующего периода. Однако, смещение акцентов несомненно. «Инструкция о порядке составления и обязательного согласования с Уралместхозом всеми строящими в прелелах Уральской области организациями, основных принципов и заданий к составлению проектов планировки новых и перепланировки существующих городов и поселений»¹⁵, изданная в апреле 1930 г. подробно разбирает «принципиальные установки и нормы к проектированию города как последовательно социалистического поселения». Среди длинного перечня пункт «общая композиция города и архитектурное его оформление» оказывается в самом конце. В 1935 г. архитектор А. Мостаков, анализируя Инструкцию НККХ РСФСР «О содержании и порядке составления проектов планировки населенных мест» 1935 г. подробно описывает черты нового подхода к городскому планированию: «На первом месте должно стоять освещение вопроса об архитектурно-планировочной идее... Следовало бы изменить название, и вместо схемы распределения территории считать ее схемой архитектурно-планировочной структуры города. В текстовой части социально-экономических установок следует добавить особый раздел по архитектурной характери-

ке выбираемых территорий... В ней должны быть зафиксированы впечатления архитектора... Должны быть описаны основные архитектурные точки, особенности природных условий и другие факторы, могущие повлиять на объемно-пространственную идею города... В графической части необходимо требовать не общих пятен, а прорисовки формы города в приближенных контурах... В целях выявления и учета архитектурных факторов весьма желательно было бы предлагаемые варианты схемы наложить на фон, изображающий рельеф, архитектурные точки и акценты...»¹⁶.

Новый социалистический город должен был отразить задачу высокого идеологического звучания — увековечить свершившуюся победу социализма. От архитектуры теперь требовалось велеречивое красноречие и идейное звучание. В соответствии с формирующейся концепцией «города-ансамбля», от проектировщиков все громче, и все настойчивее начинают требовать архитектурно-художественного оформления городской среды. За тем, что было порождено «функционализмом» — целесообразность, стандартизация, повторяемость типовых структурных элементов и сооружений и т. п. теперь не признается самостоятельная ценность. С новой точки зрения, при проектировании городов на рубеже 1920—1930-х гг. «пристальное внимание уделялось всему сложному комплексу вопросов по инженерным сооружениям... При проектировании проводился принцип строго функционализма... В этих проектах вопросы архитектуры города отодвигались на задний план, а в большинстве случаев просто игнорировались...»¹⁷. С той же точки зрения, «осуществляемые в настоящее время в натуре проекты наших крупнейших городов, Магнитогорска, Сталинска, Нижнего Тагила и др. ясно говорят, что они проектировались методом раздельного проектирования планировки и архитектуры. Основным мерилом проекта берется лишь выполнение основных заданий на данный проект города в части, касающейся взаимного расположения территорий, размещения требуемого количества жителей, обеспечение транспортной связи и культбытового обслуживания. Вопросу же, как будет выглядеть проектируемый город в натуре, и можно ли будет на базе такой планировки создать интересные архитектурные ансамбли, при оценке проекта планировки уделяется недостаточное внимание»¹⁸. С высоких партийных трибун звучат разъясняющие и направляющие указания. «Некоторые считают, что упрощенное грубое оформление — это стиль пролетарской архитектуры. Нет уж, извините, пролетариат не только хочет иметь дома, не только удобно в них жить, но и также иметь дома красивые. И он добьется того, что его города, его дома, его архитектура были бы более красивыми, чем другие города Европы и Америки», — декларирует Л. М. Каганович¹⁹. «Соцгород — это не тощая, худосочная схема, а композиция больших масштабов, архитектурное единство пространственных и строительных масс, воспринимаемых зрителем в виде ансамблей улиц, центров, площадей, кварталов, зелени, воды и т. п.»²⁰; «наша рабочая общественность ждет от наших социалистических городов красивых, радостных, бодрых, сильных впечатле-

ний»²¹, — вторит ему архитектурная номенклатура. «Безлико» становится синонимом «безыдейно» — а последнее в стремительно идеологизирующемся архитектурном творчестве становится совершенно недопустимым: «что в самом деле могут выразить мертвые линии схематического изображения? В крайнем случае, систему планировки или идею транспортной сети, но не архитектурный образ...»²². Социально-экономические, инженерно-технические вопросы, естественно, сохраняются и прорабатываются. Вырабатываются и внедряются нормативы городского планирования с регламентацией обязательных элементов генерального плана, с обязательным подробным анализом «технико-экономические обоснований». Но, при этом, резко осуждается «снижение планировки города до уровня транспортно-геодезической задачи».

Актуальным языком постепенно наполняются тексты генпланов и экспертных оценок. Так, очередной проект Магнитогорска группы Э. Мая (1932) критиковался с художественно-образной стороны: за слишком сухую, жесткую и однообразную трактовку плана; за эксцентричное расположение учреждений общего пользования в кварталах и центральных социально-культурных учреждений. За строчную застройку жилых корпусов, так, что «живущие в них обречены на то, что видят из окон лишь противоположные окна и стены»²³. За отсутствие осевой магистрали, которая «не дает возможности выделения отдельных магистралей для их архитектурного оформления застройкой зданиями административного и культурного значения»²⁴ и т. п.

В критике генплана Нового Орска 1934—1935 гг. определяющим термином становится «ансамбль». Заключение «О проекте планировки соцгорода Орска...» (июнь 1934 г.) содержало как главное требование корректировку зонирования города: разместить центр более компактно в середине селитьбы и организовать также дополнительные центры в жилых районах, создавая, таким образом, целостный ансамбль городских площадей, который в представленном проекте принесли «в жертву ландшафтному размещению отдельных точек зданий»²⁵. Архитектурный ритм, архитектурное оформление, архитектурная обработка, архитектурный ансамбль, архитектурно-композиционный центр — эти словосочетания определяют язык текста при разборе проекта. При разборе окончательного варианта генплана, представленного в ноябре 1935 г.²⁶ планировочное решение города в целом — направление и сетка магистралей, размещение площадей и центров, зеленых насаждений, основные перспективы (со стороны рек Елшанка и Урал и территории промрайона) — было поддержано.

Генплан Челябинска 1934—1936 гг. (Ленгипрогор, арх. Н. Эйсмонт и др.) осуждался за то, что «в центре внимания... требования инженерии и экономики, поняты в отрыве от архитектурных задач строительства города», в результате чего архитекторы «не сумели архитектурный образ города сделать основой всей работы над схемой». По мнению критиков, не было найдено архитектурного выражения сетки магистралей («с точки зрения пространственных ансамблей»), площадей (которые

«решены в проекте только как транспортные узлы, а не как архитектурные центры»), реки Миасс; дана «плоская трактовка» без «объемного выражения планировочного замысла»; не представлено «ни одного графика, поясняющего архитектурную идею города, чертежей, анализирующих силуэт города, восприятие города»; из 400 страниц текста архитектуре города посвящены лишь две-три. И далее можно перечислять еще длинный список подобных претензий²⁷. Тем не менее, новый подход к городскому пространству в генплане был уже выражен предельно четко: схема архитектурной композиции Челябинска выделась в виде «системы взаимоподчиненных ансамблей с одним центром для всего города и подчиненных ему, но достаточно самостоятельных центров отдельных районов, связанных между собой системой магистралей»²⁸.

Городское пространство теперь формируется исключительно на основе иерархического соподчинения элементов. Проблема размещения центра — вопрос чрезвычайно идеологически важный. Именно его государство не могло выпустить из зоны своего внимания. К середине 1930-х гг. никакими функциональными мотивами нельзя было оправдать отсутствие репрезентативного образа власти, выраженного в решении главной площади. Характерным примером такого рода является трансформация проектного решения Нового Орска на протяжении 1933—1935 гг. Под ударами критики архитекторы вынуждены отказаться от первоначального поточного-функционального решения, предложенного в проекте 1933 г. Сохранив линейный характер города и прямоугольно-решетчатую структуру, архитекторы расчленили территорию города двумя клинообразными зелеными полосами с размещенными в них административным и культурным центрами²⁹.

Однако даже такой компромисс не показался достаточным. Во вновь откорректированном варианте генплана единый общегородской центр (совмещающий административные, общественные и культурные функции) планировался в «геометрическом центре, на экваториальной оси» основной линии города, непосредственно примыкая к главной поперечной магистрали, связывающей город с промышленной зоной и направляющей основные рабочие потоки³⁰. Таким образом, архитекторы сумели совместить функциональную и идеологическую составляющие — главные общественные учреждения находились на основном пути перемещения рабочих и служащих и, с другой стороны, делали каждодневным и зримым присутствие образа власти для массы городского населения. При этом центр все равно «не сконцентрирован в одном пункте», а «образует ряд отдельных площадей, расположенных соответственно их значимости. Иерархический принцип при этом уже соблюден неукоснительно: «В середине центра города находится Дом Советов с площадью для демонстраций. В стороне от Дома Советов расположены террасы, с которых открывается вид на зеленую зону Елшанки. Меньшие площади предусмотрены у театра и Дома печати и Книги. У южного края расположены административные здания второго порядка. К северной стороне примыкают культурные учреждения...»³¹.

Функционалистский подход отнюдь не отрицал архитектурной составляющей при размещении центров. «...Весь город в целом представляет сочетание определенных архитектурных контрастов. Массе спокойных жилых домов противопоставляются общественные здания, расположенные в специально избранных местах города... Только при этих условиях обеспечивается более сильное действие общественных зданий, которые обыкновенно богаче оформлены и дифференцируются уже в зависимости от своих внутренних функций... Используя особенности местности, план постоянно стремится... повысить воздействие отдельных сооружений, воздвигая их на холмах, у подножий холмов и в виде отдельных выдающихся точек среди полос и площадей зеленых насаждений», — пишет Э. Май о проекте Магнитогорска³². Однако этого уже далеко не достаточно, т. к. в новом понимании «эра социализма, вновь возрождая и поднимая на недосяжимую до сих пор высоту проведение общественной жизни в наших городах, вновь превращает места массовых празднеств в центр города, ставит перед планировщиком и архитектором ответственную задачу оформления в формах, созвучных эпохе, больших, красиво спланированных и монументальных площадей, отвечающих размахом своей планировки демонстрациям, массовым празднествам и карнавалам свободного пролетариата»³³.

Этому тезису уже в полной мере соответствует проектное решение центра в «Пояснительной записке к проекту реконструкции улиц и площадей города Челябинска»³⁴, созданной авторами генплана города в 1935 г. Язык этого документа восполнял недостаток «архитектурного выражения» генплана. От языковой палитры веяло духом барокко. Для описаний проектных фрагментов характерны такие словосочетания, как: приемы контраста и резкого внезапного перехода, богатая колоннада, мощные пропилеи, грандиозный памятник, ритмические удары, сильная архитектура, торжественность и величие подходов, архитектурная напряженность³⁵. Показательно сравнение с текстом газетной статьи, чей автор восторженно откликнулся на представленный проектировщиками проект планировки пл. Революции: «Камень, гранит, мрамор, величественные лестницы, фонтаны — вот строгий стиль этой главной площади города. Она вымощена цветным узором брусчатки, она — как мозаичный пол... И от этого кажется огромным «залом», над которым высоким сводом опрокинулось небо»³⁶. Проектировщики и газетный репортер, говорящий от лица многих, настроены на одну волну — на создание и восприятие эмоционально переживаемого пространства, что делает неудивительным заимствование профессиональным языком элементов образно-насыщенного литературного языка.

Композиционным модулем нового городского пространства в градостроительных документах теперь декларировался ансамбль. Однако, основной планировочной единицей городской структуры по-прежнему оставался квартал. Понятие квартала и нормативы его проектирования и застройки выработались на протяжении середины 1920-х — начала 1930-х гг. и были, наконец, закреплены в

Инструкции НКХ РСФСР № 135 от 29 апреля 1933 г. «О проведении гражданского (непромышленного) строительства в 1933 г.»³⁷. Здесь, фактически, впервые дается развернутое определение понятия «жилой квартал»: «жилой квартал является частью территории селитебного района, ограниченной со всех сторон магистральными улицами»³⁸. Жилой квартал выступает элементом планировочной структуры, неразрывно связанным с объемлющим целым — районом, составной частью которого он является: «жилой квартал должен рассматриваться, как элемент населенного места, органически с ним связанный».

Квартал в проектах рубежа 1920—1930-х гг. это не просто планировочный элемент. Это социальная единица города, что отражает и инструкция 1933 г., фиксируя, что квартал представляет «с социально-бытовой и планировочной стороны единый комплекс»³⁹. Понимание квартала было сформировано под влиянием идей обобществления быта, что в предшествующий период являлось еще одной неотъемлемой составляющей понимания «социалистического города». Вся система общественного обслуживания в квартале, олицетворявшая теперь «социалистический быт», подробнейшим образом рассматривалась в проектах. А «каждый квартал с его обслуживающими учреждениями» образовывал «одно замкнутое целое»⁴⁰ и ячейку общегородской системы обслуживания. Инструкция 1933 г. предусматривала следующие элементы сетевого общественного обслуживания в квартале: общественное питание, воспитание детей, коммунально-хозяйственное и культурно-просветительное обслуживание. Она предписывала дифференцировать территорию квартала на отдельные «основные, четко выявленные в планировочном отношении, части; а) собственно жилую, включающую основную группу жилых домов; б) социального воспитания, включающую детские сады и ясли; в) общественно-культурную, включающую здание клуба — примитива и низовую сеть физкультурных площадок и сооружений; г) коммунально-хозяйственную, включающую прачечную, котельную, складские помещения или сарай, места для временного хранения мусора и т. д.»⁴¹.

Инерционное представление о социальной сути квартала сохранялось на протяжении 1930-х гг. Это демонстрировали, например, «Социально-экономические установки и схема распределения территории Челябинска», составленные в 1934 г. Структурной ячейкой, определяющей природу города как «социалистического», определялся жилой квартал с «элементами обобществления быта» — первичными коммунальными учреждениями. Предполагался «широкий охват населения квалифицированными видами массового коммунистического воспитания и культурно-просветительной работы; обеспечение его коммунальных и социально-бытовых нужд...»⁴².

Однако, функционалистский подход в решении квартала с главной задачей его оптимальной организации также не соответствовал новым градостроительным подходам. Прежде всего это опять касалось недостатков его художественного решения:

«жилые дома ставились торцами на улицы (строчная застройка) и придавали ей однотонный унылый вид. Вследствие строчной застройки квартал архитектурно не решался. Отсутствовал какой-либо центр квартала... В целом город штамповался типовыми кварталами строчной застройки и производил как на бумаге (в проекте), так и в натуре (выстроены кварталы) удручающее впечатление»⁴³. Отличительной чертой социалистического теперь понимается архитектурно-образное. В генплане Магнитогорска 1934 г. (Ленгорстройпроект, арх. Б. Данчич, инж. В. Попов)⁴⁴, хотя членение жилой территории обосновывалось «гибкостью маневрирования» и наибольшей целесообразностью с точки зрения бытовой организации, предусматривавшей развернутую сеть культурно-бытовых учреждений, тем не менее «в основу решения застройки кварталов уже положен принцип создания архитектурных ансамблей как вне кварталов по магистралям и на площадях, так и внутри самого квартала в целом и каждого жилкомплеса в отдельности».

Таким образом, в первой половине 1930-х гг. формируется новая идеология советского города, она основывается она на представлении о городе как репрезентативном пространстве, где акцент смещается на идейно-художественное звучание, более важное, чем функционально обоснованное «жизнеустройство». Сущностная же проблема осталась той же — в условиях тоталитарного общества, концептуальные представления о городе, озвученные с высоких трибун, снова навязывали универсальную модель «социалистического города». Вновь, в иных формах, проявлялось стремление к максимальной унификации приемов градостроения. Естественное, живое, а значит неуправляемое, вновь должно было быть заключено в жесткие рамки схемы.

Примечания

1. Цит. по: Комаров Н. П. К трехлетию Гипрогора // Планировка и строительство городов. — 1934. — № 2. — С. 3.
2. Челябинск : энцикл. — Челябинск, 2001. — С. 829.
3. Формирование границ города Перми: 1927—1941. URL: <http://kamensky.perm.ru/proj/rajon/8.htm>
4. Гаврилова С. И. Архитектура 1930-х годов Красногорского района г. Каменска-Уральского // Архитектон: известия вузов. — 2009. — № 27. URL: http://archvuz.ru/numbers/2009_3/ta1
5. Планировка и строительство городов. — 1933. — № 8. — С. 33 (Хроника).
6. Планировка и строительство городов СССР: мат-лы III пленума правления Союза советских архитекторов СССР, 7—11 июля 1938 г. — М., 1938. — С. 15.
7. Мостаков А., Польшев М., Смирнов Н. Нижний Тагил // Планировка и строительство городов. — 1933. — № 3. — С. 11.
8. Там же.
9. Кузнецов А. Достоинства и недостатки планировки Челябинска // Планировка и строительство городов. — 1935. — № 11. — С. 14.
10. ЦГАНТД. Ф. Р-46. Оп. 3—9. Д. 3. Генеральный проект планировки г. Челябинска. Текстовая часть. — Л., 1936.
11. Социально-экономические установки и схема распределения территории Челябинска. — Л., 1935. — Т. 2. — Л. 217.

12. Генеральный проект планировки г. Челябинска. — Т. 2. — Л., 1936. — Л. 216.
13. Мостаков А. Планировка Нижнего Тагила // Планировка и строительство городов. — 1935. — № 5. — С. 5.
14. Об учреждении должности главного городского архитектора в городских отделах коммунального хозяйства. Постановление СНК РСФСР 26.07.1936.
15. ГАСО. Ф. Р-296. Оп. 2. Д. 115. Материалы по планировке и перепланировке населенных пунктов Урала. Апрель 1930 — май 1931. Л. 115—115б. Инструкция о порядке составления и обязательного согласования с Уралместхозом всеми строящими в пределах Уральской области организациями, основных принципов и заданий к составлению проектов планировки новых и перепланировки существующих городов и поселений.
16. Мостаков А. В чем недостатки инструкции // Планировка и строительство городов. — 1935. — № 9. — С. 15—16.
17. Зальцман А. М., Меерсон Д. С. Архитектура соцгорода и его элементов // Планировка и строительство городов. — 1934. — № 7—8. — С. 13.
18. Жуковский А. А. Архитектура улицы и площади // Планировка и строительство городов. — 1933. — № 9. — С. 22 — 23.
19. Цит. по: Нессис Н. З. Гипрогор перед новыми задачами // Планировка и строительство городов. — 1934. — № 1. — С. 7—8.
20. Мостаков А. Схематизм в планировке городов // Архитектура СССР. — 1936. — № 6. — С. 35.
21. Гаспарьян А. М. Изжить недостатки планировочного дела... — С. 5.
22. Мостаков А. Схематизм в планировке городов... — С. 37—38.
23. Городской архив Магнитогорска. Ф. 9. Оп. 1. Д. 1. Протокол совещания консультантов при Правительственной комиссии. Л. 40.
24. Шибаев Д. Е. За социалистический город Магнитогорск // Советская архитектура. — 1933. — № 3. — С. 25.
25. ОФ ГАОО. Р-23. Оп. 1. Д. 15. Л. 38. Заключение «О проекте планировки соцгорода Орска...» от 13.06.1934.
26. ОФ ГАОО. Р-33. Оп. 1. Д. 1а (Альбом). Орск. Генеральный проект плана. Горстройпроект, Мастерская № 3 под рук. Х. Шмидта. — 1935.
27. Кузнецов А. Достоинства и недостатки планировки Челябинска // Планировка и строительство городов. — 1935. — № 11. — С. 14—16; Мостаков А. Схематизм в планировке городов. — С. 32.
28. Генеральный проект планировки Челябинска, 1936. Л. 15 об.
29. Нижник Е. В. Генплан Орска 1935 г.: разработка и воплощение // Город в зеркале генплана: панорама градостроительных проектов в российской провинции XVIII—XXI веков. — Челябинск, 2008. — С. 176.
30. ОФ ГАОО. Р-33. Оп. 1. Ед. хр. 1а (Альбом). Орск. — Генеральный проект плана. Горстройпроект, Мастерская № 3 под рук. Х. Шмидта. — 1935.
31. ГАРФ. Ф. А-314. Оп. 1. Ед. хр. 7768. Л. 51—56. Шмидт Х. Пояснительная записка к проекту соцгорода Орска. 1934. Л. 53 об.
32. Там же. Май.
33. Жуковский А. А. Указ. соч. — С. 25.
34. Пояснительная записка к проекту реконструкции улиц и площадей города Челябинска. — Л., 1935.
35. Там же.
36. Холодковский В. Взгляд в будущее // Челябинский рабочий. — 1936. — 29 окт.
37. О проведении гражданского (непромышленного) строительства в 1933 г. Инструкции НККХ РСФСР № 135 от 29 апреля 1933 г. // Наше строительство. — 1933. — № 13. — С. 338—341.
38. Там же. С. 338.
39. Там же.
40. ГАРФ. Ф. А-314. Оп. 1. Ед. хр. 7768. Л. 51—56. Пояснительная записка к проекту соцгорода Орска. — Л. 52 об.
41. О проведении гражданского (непромышленного) строительства в 1933 г. Инструкции НККХ РСФСР...
42. Социально-экономические установки и схема распределения территории Челябинска. Л., 1935. Т. 2. Л. 216, 217.
43. Зальцман А. М., Меерсон Д. С. Архитектура соцгорода и его элементов // Планировка и строительство городов. 1934. №. 7 — 8. С. 13.
44. Генеральный проект планировки г. Магнитогорска. Тезисы. — Магнитогорск, 1935.

Поступила в редакцию 24 июля 2011 г.

КОНЫШЕВА Евгения Владимировна окончила исторический факультет, Челябинский государственный педагогический университет и факультет теории и истории искусства, С.-Петербургский государственный академический институт живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина. В 2003 г. в С.-Петербурге защитила кандидатскую диссертацию по искусствоведению. Сфера научных интересов — история градостроительства и архитектуры России и уральского региона. Автор многочисленных научных публикаций по данной проблематике. E-mail: blv@susu.ac.ru.

KONYSHEVA Evgenia Vladimirovna graduated from the history department of the Chelyabinsk State Pedagogical University and the Department of Theory and History of Art, St. Petersburg State Academic Institute of Painting, Sculpture and Architecture. IE Repin. PhD in Art History (2003), assistant professor of art history and culture of the South Ural State University. Research interests — history of urban planning and architecture of Russia and the Urals region. Author of numerous scientific publications on the subject. E-mail: blv@susu.ac.ru.